

УДК 343.2/7(575.2)

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-4-79-89

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Эргешов А.К.

*Ошский государственный юридический институт
723510, г. Ош, ул. Салиева, д. 40В, Кыргызская Республика*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы уголовной ответственности за массовые беспорядки, дан анализ научных исследований по данной проблематике. Автор считает, что уголовно-правовые меры борьбы с массовыми беспорядками необходимо рассматривать в комплексе с другими мерами. Актуальна необходимость постоянного совершенствования уголовно-правовых мер по борьбе с массовыми беспорядками.

Ключевые слова: ответственность, уголовный кодекс, массовые беспорядки, поощрительная норма, освобождение от ответственности.

CRIMINAL LEGAL PREVENTION OF MASS DISORDERS IN KYRGYZSTAN

A. Ergeshov

*Osh State Law Institute
40V, Salieva st., Osh, 723510, Kyrgyz Republic*

Abstract. The article considers the issues of criminal responsibility for mass disorders and reviews the research works on this subject. The author believes that the criminal law measures to combat the riots should be considered in conjunction with other measures. There is an urgent need to continuously improve the criminal-legal measures to combat mass disorders.

Key words: responsibility, the Criminal Code, mass disorders, the incentive rate, exemption from liability.

В связи с участвовавшими случаями массовых беспорядков на постсоветском пространстве, требуется совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с этим злом.

Общеизвестно, что уголовный закон, если он принят, способен оказать предупредительное воздействие на потенциальных участников массовых беспорядков и противодействовать совершению ими правонарушений. Вместе с тем, превентивное значение уголовно-правовой нормы, как показал проведенный нами опрос респондентов, весьма велико. Игнорирование возможностей нормы ослабляет предупредительный потенциал уголовного закона в целом.

Фактическое ничтожно малое использование карательного потенциала уголовного закона вовсе не означает умаление его значимости. На сегодняшний день, по нашему мнению, единственно возможным и востребованным средством про-

тивоедействия преступности является суровое, жесткое уголовное наказание, которое позволит ослабить удавку преступности, потеснить её и создать нравственные и правовые предпосылки для последовательного, динамичного снижения преступности. Такого же мнения придерживается М.Г. Миненок [9, с. 297–300]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в уголовной политике современного Кыргызстана в рамках общей тенденции к её гуманизации прослеживается постепенный переход от сугубо карательных к реабилитационным и реституционным началам. Это нашло свое выражение в сравнительно недавно принятых Уголовном кодексе Кыргызской Республики (1997 г.), Уголовно-исполнительном кодексе Кыргызской Республики (2000 г.), Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (1999 г.). Однако данный процесс, во-первых, далеко не всеми воспринимается как безусловно позитивный, а во-вторых, развивается в настоящее время отнюдь не однолинейно.

Уголовное право реализует своё предупредительное воздействие посредством уголовной ответственности и наказания, а также других уголовно-правовых средств влияния на криминальные факторы.

В уголовном законодательстве содержится значительное число норм, непосредственно направленных на предупреждение преступлений. К ним можно отнести нормы, предусматривающие необходимую оборону, задержание преступника, крайней необходимости, а также поощрительные нормы, направленные на стимулирование преступника на отказ от преступления, деятельное раскаяние и др.

В соответствии со ст. 54 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики к обстоятельствам, смягчающим ответственность, относятся: явка с повинной, чистосердечное раскаяние, активное содействие раскрытию преступления.

Явка с повинной представляет собой деятельное раскаяние в форме обращения лица, совершившего преступление, в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления. При этом неперемным условием явки с повинной является её добровольный характер. Аналогичное мнение было сформулировано и в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2.

Следственная практика показывает, что участники массовых беспорядков и даже их организаторы и руководители нередко являются с повинной в правоохранительные органы. И не важно, что служит при этом побудительным мотивом – угрожение совести или страх разоблачения. Хотя чаще это происходит среди оставшихся на свободе виновных в совершении массовых беспорядков, объявленных в розыск. Однако, если бы гарантии смягчения наказания таким лицам за явку с повинной были закреплены законодательно, количество их было бы гораздо больше.

К сожалению, Уголовный кодекс Кыргызской Республики не раскрывает понятия раскаяния, чем ощутимо сужает применение к лицам соответствующих мер, связанных с раскаянием, в связи с чем необходимо, по нашему мнению, принятие нормы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Об этом также пишут и дру-

гие авторы [2, с. 161]. Как правильно отмечает А.Ж. Жилкубаев, деятельное раскаяние как вид полезного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, является частью общего и целью социального предупреждения преступления [3, с. 80].

Большое значение для предупреждения дальнейшей преступной деятельности участника (или участников) массовых беспорядков имеет уголовно-правовое стимулирование, в частности, в отношении отдельных лиц, вступивших на путь сотрудничества с правоохранительными органами. Оно должно быть направлено на создание ситуации, побуждающей личность к социально-полезным действиям с момента начала сотрудничества [5, с. 32].

Так называемое активное способствование раскрытию преступления направлено на сотрудничество с правоохранительными органами. Спектр этих действий может быть самым разным: лицо может давать правдивые и полные показания, в том числе по фактам, ранее не известным правоохранительным органам, может указать на место, где хранится похищенное либо другие предметы или средства преступления, на лиц, которые могут дать свидетельские показания и т. д.

Как показывает практика, большая часть задержанных преступников сразу или в ходе следствия начинает оказывать содействие в расследовании массовых беспорядков. Они подробно рассказывают не только о совершенных ими лично преступлениях, но и об общей деятельности толпы, выдают орудия и средства совершения преступлений, изобличают других лиц, совершавших преступные действия

вместе с ними в толпе. Указывая места нахождения похищенного имущества и лиц, у которых оно находится во владении, они тем самым демонстрируют желание возмещения причиненного вреда. Более того, многие преступники заявляют, что готовы полностью компенсировать причиненный материальный, физический и моральный ущерб, если они будут освобождены от уголовной ответственности.

По нашему мнению, эти лица также должны гарантированно освобождаться от уголовной ответственности, если они после окончания массовых беспорядков явились с повинной, чистосердечно раскаялись, активно способствовали раскрытию преступлений, совершенных ими в ходе массовых беспорядков, стремились к полному возмещению причиненного ущерба или устранению причиненного вреда от их действий.

Представляется целесообразным в отношении указанных лиц предусмотреть примечание к ст. 233 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики, стимулирующее деятельное раскаяние, следующего содержания: «Лицо, добровольно прекратившее участие в массовых беспорядках и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Данная поощрительная норма безусловно имела бы большой успех в деле раскрытия подобных преступлений.

Следует учесть и тот немаловажный факт, что большинство лиц, организовывающих массовые беспорядки и участвующих в них, совершают эти противоправные деяния впервые.

Конструируя норму об ответственности за массовые беспорядки, законодатель мог бы учесть следующие особенности этого явления:

1. наличие в “толпе” лиц, не преследующих цели нарушения общественного порядка, а попавших в неё по случайным обстоятельствам (зеваки, любители “острых” ощущений и т. п.);

2. наличие лиц, которые попали в толпу под воздействием угроз и шантажа;

3. наличие лиц, которые вовлечены в толпу в результате ложно понимаемых национальных интересов (это характерно для массовых беспорядков на межнациональной почве).

Предупредительная роль уголовного закона заключается в самой уголовно-правовой норме, т. е. в предупредительном воздействии диспозиции нормы и её санкции. Если для отдельных граждан (например, законопослушных) достаточно знания о запрещенности тех или иных деяний, для других – установленного в статье размера наказания.

Санкции статьи Особенной части Уголовного Кодекса (далее УК) сконструированы таким образом, что суду дается немало возможностей для индивидуализации наказания. Ст. 54 УК устанавливает, что при наличии явки с повинной или активном способствовании раскрытию преступления и при отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания при совершении преступления небольшой тяжести и менее тяжкого преступления не может превышать половины, при совершении тяжкого преступления – двух третей, при совершении особо тяжкого преступления – трёх четвер-

тей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

Средствами, при помощи которых реализуется уголовно-правовая профилактика преступлений, выступают психическое принуждение (угроза, устрашение), убеждение (воспитание), лишение или ограничение физической возможности совершать преступления.

Многие специалисты небезосновательно утверждают, что соответствующие законодательные формулировки обстоятельств, содержащихся в главе 8 УК КР, требуют дальнейшего совершенствования.

Следует также обратить внимание на обстоятельства, которые не имеют законодательного закрепления в Уголовном кодексе Кыргызской Республики, но хорошо известны науке уголовного права, а также зарубежному законодательству.

Таким обстоятельством, по нашему мнению, может выступать проведение оперативно-розыскных мероприятий. Так, согласно ч. 4 ст. 19 Закона Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ОРД) от 16 октября 1998 г. № 131 «При защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным

лицом своего служебного или общественного долга» [4, с. 17]. Очевидно, что указанный Закон допускает совершение в том числе общественно опасных деяний, формально содержащих признаки какого-либо преступления, однако УК Кыргызской Республики по этому поводу молчит.

Между тем давно назрела необходимость появления указанной нормы в Уголовном кодексе. Для успешного осуществления оперативной работы, выявления и задержания виновных, предупреждения и пресечения преступлений в ходе массовых беспорядков следует законодательно предусмотреть права должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы с целью их последующего задержания и изобличения в содеянном.

Именно таким образом поступил украинский законодатель, предусмотрев в ст. 43 УК Украины соответствующую норму – «Выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации» [18, с. 20].

Причём уголовная ответственность в таких случаях может наступать лишь при совершении умышленных особо тяжкого или тяжкого преступлений, связанных с насилием над потерпевшим, причинением тяжкого вреда здоровью или наступлением тяжких последствий (ч. 2 ст. 43). Кроме того, за указанные действия не может быть назначено пожизненное лишение свободы, а максимальный размер превышать половину наиболее строгого вида наказания (ч. 3 ст. 43).

Аналогичные нормы есть в УК Казахстана – ст. 34 п. 1 «проведение оперативно-розыскных мероприятий» [17, с. 55], Республики Беларусь – ст. 38 «пребывание среди участников преступления по специальному заданию» [16, с. 66], Литовской Республики – ст. 32 «исполнение задания правоохранительной инстанции» [15, с. 145]. Об исполнении обязанностей, указанных в законном распоряжении властей, говорят УК Австралии, Аргентины, Бельгии, Голландии, Франции [11, 12, 13, 14, 19].

Пресечение преступной деятельности толпы эффективно не только в момент совершения преступления или после него, но и до начала совершения погромов, поджогов и тому подобных действий. Органы внутренних дел, обладая информацией о готовящихся или замышляемых массовых беспорядках, обязаны своевременно пресекать их. Правовым основанием пресечения данной деятельности являются нормы Особенной части УК, предусматривающие ответственность за деяния, совершение которых может привести к другим, более опасным преступлениям. К ним можно отнести: нормы об ответственности за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ст. 241 УК КР), за незаконные изготовление или ремонт оружия (ст. 242 УК КР) и др.

Речь здесь идёт о двойной превенции, двойном профилактическом действии таких норм – против деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены, и против тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва,

если указанные деяния останутся без реагирования. Представляется верной позиция Э.А. Саркисовой, полагающей, что подобные нормы выполняют предупредительную функцию права посредством установления санкции за общественно-опасные действия, которые могут привести к совершению деяний, более значимых по степени и характеру опасности, по тяжести наступивших последствий [10, с. 47].

Видимо, следует законодательно закрепить критерий подхода к решению вопроса об уголовной ответственности лиц, находившихся в толпе, но покинувших район беспорядков после официального предупреждения властей. Здесь требуется установление факта несовершения этими лицами иных преступлений. В этом отношении интересен опыт французского законодательства. Так, ст. 100 Уголовного законодательства 1810 г определяла, что «не подлежат никакому наказанию те, которые, участвуя в бандах, но не являясь руководителями в них и не исполняя никаких обязанностей, удалились по первому требованию гражданских или военных властей или были захвачены вне мест мятежного собрания без оказания сопротивления и без оружия. В этом случае они караются лишь за совершенные ими лично отдельные преступления» [20, с. 132].

Как представляется, подобная законодательная норма, включенная в соответствующую редакцию Уголовного кодекса Кыргызской Республики, будет способствовать более четкому решению вопросов уголовной ответственности участников массовых беспорядков.

Следовательно, в соответствующей норме целесообразно предусмотреть то, что подобные лица не могут подле-

жать уголовной ответственности, если они покинули толпу до совершения действий, указанных в диспозиции нормы. Сотрудники ОВД должны обратиться к толпе и разъяснить эти положения закона, используя имеющиеся силы и средства, а также авторитет руководителей ОВД.

Важно также обратить внимание на эффективность применения правовых норм, регламентирующих ответственность за хулиганство.

Криминологами давно подмечена зависимость усиления антиобщественной деятельности в условиях ослабления борьбы с хулиганством. Это зачастую ведёт к росту тяжких видов преступлений. Усиление же борьбы с ним – к сокращению [6; 7]. Статистические сведения о динамике уголовно наказуемого хулиганства, безусловно, не отражают реальной действительности. Это особенно очевидно на фоне активизации деятельности хулиганствующих молодежных группировок, доходящей иногда до массовых беспорядков с тяжкими последствиями. Безнаказанность хулиганов, приобретающая распространенный характер, бездумный либерализм по отношению к ним привели к тому, что многие подобные криминогенные процессы усилились или вообще вышли из-под контроля.

Однако наглядно проследить эту тенденцию по статистическим данным невозможно ввиду того, что в периоды возникновения массовых беспорядков проявлялась тенденция к сокрытию преступлений от учета. В целях создания видимости относительного благополучия в оперативной обстановке хулиганские действия, предусмотренные ст. 234 УК КР, часто «переводятся» в разряд административно наказуемых

деликтов, а иногда вовсе не регистрируются. В результате такого манипулирования подрывается принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Полагаем, что такая ситуация сложилась не только потому, что существуют трудности при квалификации преступлений по ст. 233 УК КР. Не менее важен факт негативного отношения отдельных органов государственной власти и управления к квалификации этого вида преступлений по указанной статье. Представляется, что желание увидеть благополучную картину в указанной области приводит к искажению действительности. И это касается не только хулиганства.

По своему составу массовые беспорядки практически схожи с таким преступлением, как хулиганство, но есть и различия.

За организацию массовых беспорядков предусматривается ответственность, возлагаемая на организатора этих беспорядков. Следовательно, первым различием с хулиганством является субъект преступления, так как при хулиганстве субъектом может быть любое лицо, а при массовых беспорядках лицо, организовавшее данные беспорядки.

Помимо этого, само определение массовых беспорядков предполагает участие в них большого числа лиц, тогда как хулиганство может быть совершено и одним человеком.

Вторым различием является то, что объективная сторона состава массовых беспорядков значительно шире и включает ряд действий, не предусмотренных составом хулиганства (орга-

низация, призывы к активному неподчинению и т. д.). Погромы, поджоги, использование взрывчатых веществ являются признаком массовых беспорядков, но не хулиганства.

В-третьих, как было отмечено выше, хулиганство в качестве своего первого (основного) обязательного объекта имеет общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок, а массовые беспорядки – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Тем самым, уголовно-правовой охране при хулиганстве подвергаются меньше социальных ценностей, чем при массовых беспорядках. Другим основанием для различия рассматриваемых норм является момент окончания преступления: если состав хулиганства является формальным, для признания деяния массовыми беспорядками необходимо совершение действий, указанных в диспозиции этой нормы: погромов, поджогов, разрушений, посягательств на личность и др. Есть и другие различия, связанные, например, с применением оружия и т. д.

Различны также мотивы этих преступлений. Так, при массовых беспорядках мотивами могут быть: протест против власти, порядка управления, несогласие с политическим курсом правительства. Законодательство предусматривает также и ответственность участника массовых беспорядков. Это преступление отличается от хулиганства по своему умыслу: при массовых беспорядках умысел направлен на участие в них, при хулиганстве же умысел может быть неопределенным. Кроме того, массовые беспорядки также отграничиваются от хулиганства масштабом преступ-

ной деятельности и её характером. При массовых беспорядках виновные стремятся продемонстрировать своё отрицательное отношение к политике, проводимой государством, к деятельности местных властей, либо непонимание этой политики, неодобрение, непризнание её, неодобрение каких-то событий.

Групповые драки, возникшие на межличностной почве, не могут быть признаны массовыми беспорядками, а являются злостным хулиганством с признаками цинизма. Но возможны случаи, когда групповые драки перерастают в посягательство на органы государственного управления, на личность по национальному признаку, освобождение арестованных, в совершении погромов, поджогов и др. В этом случае перечисленные деяния должны квалифицироваться как массовые беспорядки. Однако необходимо отметить, что оценка действий должна основываться на анализе конкретных обстоятельств самого события, поскольку установление каких-либо конкретных формативных признаков представляет определённую трудность.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику массовых беспорядков, некоторые исследователи отмечают недостаточно чёткую формулировку уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за массовые беспорядки. В результате, пишут они, каждый третий из опрошенных следователей стремится по возможности обходить данный состав, квалифицируя соответствующие действия как преступления против личности, хулиганство, групповые действия, нарушающие общественный порядок и т. д. [1, с. 16]

Следует также обратить внимание на такой важный институт, как институт уголовно-правового причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. В соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» от 11 января 1994 г. задержание подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений является обязанностью сотрудников органов внутренних дел. В отличие от УК стран СНГ, по УК Кыргызской Республики (ч. 1 ст. 38) правомерными признаются только действия по задержанию лица, совершенные «в момент или непосредственно после совершения им преступления».

На практике при расследовании уголовных дел по массовым беспорядкам довольно часто возникает проблема, в каких именно случаях причинение смерти при задержании должно признаваться совершенным с превышением пределов необходимости и приравниваться к убийству.

По УК Канады (ст. 25) задерживаемому можно причинить смерть или тяжкий физический вред только в том случае, если осуществляющее задержание лицо разумно полагает, что ему самому или третьему лицу угрожает смерть или тяжкий физический вред. Уголовные кодексы ряда штатов США (например, Нью-Йорка, Калифорнии) допускают в отдельных случаях причинение смерти пытающемуся скрыться преступнику, даже если от последнего не исходит непосредственной угрозы задерживаемому.

По нашему мнению, лишение жизни участника массовых беспорядков в момент задержания вполне оправдано в том случае, когда он, используя ору-

жие, предпринимает попытку скрыться от преследования. При невозможности задержать его другим способом следует рассматривать вынужденное лишение жизни как средство пресечения противоправной деятельности, опасной для отдельной личности и общества в целом. Так как участники беспорядков могут проявлять крайнюю агрессивность поведения, такое действие, как нам представляется, вполне правомерно, несмотря на свою крайность.

Необходимо учитывать тот факт, что задержание лиц, участвующих в массовых беспорядках, происходит в условиях экстремальности, а также тот факт, что агрессивность взбужденной толпы увеличивается в несколько раз ввиду её многочисленного и разнородного состава. В условиях массовых беспорядков преступность, как правило, отличается повышенной жестокостью, агрессивностью. В этом заключается повышенная социальная опасность массовых беспорядков.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо, чтобы наш законодатель

всё же предусмотрел предельные размеры допустимого вреда задерживаемому. Однако при оказании сопротивления задерживаемым применяются уже правила необходимой обороны, а значит, последнему может быть причинена и смерть.

На недопустимость превышения мер, необходимых для задержания, указывают УК всех стран СНГ. Как и в случае необходимой обороны, ответственность за такое превышение наступает, только если чрезмерный вред причинен умышленно.

Вышеуказанные уголовно-правовые меры борьбы с массовыми беспорядками необходимо рассматривать в комплексе с другими мерами. Решение этой задачи с помощью отдельно взятой группы мер невозможно без применения других мер. Существует настоятельная необходимость постоянного совершенствования указанных уголовно-правовых мер по причине непрерывно меняющихся условий, динамичного, неустойчивого характера общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джафаров Р.И. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями, связанными с межнациональными конфликтами: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Баку, 1993.
2. Джоробекова А.М., Орозбаева Г.Б. Историко-правовые аспекты вымогательства. Бишкек, 2011.
3. Жилкубаев А.Ж. Роль деятельного раскаяния в предотвращении преступления. Алматы, 1996.
4. Закон Кыргызской Республики от 16.10.1998 г. № 13 «Об оперативно-розыскной деятельности». Бишкек: Токтом, 2014.
5. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. 287 с.
6. Побегайло Э.Ф. Борьба с тяжкими насильственными преступлениями и роль органов внутренних дел в ее осуществлении: дисс. ... док. юрид. наук. М., 1988.
7. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею: лекция. М., 1990.
8. Пономарев В.П. Предупреждение массовых беспорядков: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1992.

9. Миненок М.Г. Роль уголовного права в борьбе с преступностью на современном этапе // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: материалы IX Российского Конгресса уголовного права, 29–30 мая 2014 г. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 297–300.
10. Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного права. Минск, 1979. С. 47.
11. Уголовный кодекс Австралии. СПб. 2002.
12. Уголовный кодекс Аргентины. СПб. 2004.
13. Уголовный кодекс Бельгии. СПб. 2004.
14. Уголовный кодекс Голландии. СПб. 2001.
15. Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб. 2003.
16. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб. 2001.
17. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб. 2001.
18. Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. По сост. На 05.04.2010). Харьков, 2010. С. 20.
19. Уголовный кодекс Франции. СПб. 2002.
20. Французский уголовный кодекс 1810 г. М. 1947.

REFERENCES:

1. Dzharfarov R.I. Problemy ugovolno-pravovoi bor'by s prestupleniyami, svyazannymi s mezhnatsional'nymi konfliktami. Avtoreferat dis. kand. yurid. nauk [Problems of criminal-legal struggle against crimes associated with international conflicts. The Abstract of Ph.D. Thesis in Law] Baku, 1993. p. 16.
2. Dzhorobekova A.M., Orozbaeva G.B. Istoriko-pravovye aspekty vymogatel'stva [Historical and Legal Aspects of Extortion] Bishkek, 2011. p. 161.
3. Zhilkubaev A.ZH. Rol' deyatelnogo raskayaniya v predotvrashchenii prestupleniya. [The Role of Active Repentance in Crime Prevention.] Almaty, 1996. P 80.
4. Zakon Kyrgyzskoi Respubliki «Ob operativno-rozysknoi deyatelnosti» ot 16 oktyabrya 1998 g. [Law of the Kyrgyz Republic “On Operative-Search Activity” dated 16 October, 1998]. . no. 13. Bishkek, izd-vo Toktom, 2014. p. 17.
5. Kudryavtsev V.N. Pravovye povedeniya: normy i patologiya [Legal Behavior: Norm and Pathology] M., 1982. pp. 32
6. Pobegailo E.F. Bor'ba s tyazhkimi nasilstvennymi prestupleniyami i rol' organov vnutrennikh del v ee osushchestvlenii. Diss. na soisk. uchenoi stepeni dok. yurid. nauk [The Struggle against Serious Violent Crimes and the Role of Internal Bodies in its Implementation. Doc. of Law Thesis]. M., 1988.
7. Pobegailo E.F. Tendentsii sovremennoi prestupnosti i sovershenstvovanie ugovolno-pravovoi bor'by s neyu. Lektsiya [Modern Trends of Crime and the Improvement of Criminal Legal Measures. A Lecture]. M., 1990.
8. Ponomarev V.P. Preduprezhdenie massovykh besporyadkov. Avtoreferat. ... kand. yurid. nauk [The Prevention of Mass Riots. Abstract of the Ph.D. Thesis in Law] Kiev, 1992. p. 11.
9. Rol' ugovolnogo prava v bor'be s prestupnost'yu na sovremennom etape. V kn.: Ugolovnoe pravo v epokhu finansovo-ekonomicheskikh peremen [The Role of Criminal Law in Struggle against Crime at the Present Stage. In the book: Criminal Law in the Era of Financial and Economic Changes] Materialy IKH Rossiiskogo Kongressa ugovolnogo prava, sostoyavshegosya 29–30 maya 2014 g [Materials of the 9th Russian Congress of Penal Law, held on may 29–30, 2014]. M., Yurlitinform, 2014. pp. 299–300.
10. Sarkisova E.A. Predupreditel'naya rol' ugovolnogo prava [Preventive Role of Criminal Law] Minsk, 1979. pp. 47
11. Ugolovnyi kodeks Avstralii [The Criminal Code of Australia] SPb., 2002. p. 77.

12. Ugolovnyi kodeks Argentiny. SPb, 2004. [The Criminal Code of Argentina. SPb, 2004.]. p. 52.
13. Ugolovnyi kodeks Bel'gii [The Criminal Code of Belgium] SPb., 2004. p. 71.
14. Ugolovnyi kodeks Gollandii [The Criminal Code of the Netherlands] SPb., 2001. p. 174.
15. Ugolovnyi kodeks Litovskoi Respubliki [The Criminal Code of the Republic of Lithuania] SPb., 2003. p. 145.
16. Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' [The Criminal Code of the Republic of Belarus] SPb., 2001. p. 66.
17. Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan [The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan] SPb., 2001. p. 55.
18. Ugolovnyi kodeks Ukrainy (s izm. i dop. po sost. na 05.04.2010) [The Criminal Code of Ukraine (Rev. and additional for status. on 05.04.2010)] Kharkov, 2010. p. 20.
19. Ugolovnyi kodeks Frantsii [The Criminal Code of France] SPb., 2002. p. 80.
20. Frantsuzskii ugolovnyi kodeks 1810 g. [The French Criminal Code of 1810] M., 1947. p. 132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эргешов Адылбек Кочконбаевич – аспирант Кыргызско-Российского (Славянского) университета, преподаватель кафедры правоведения юридического колледжа Ошского государственного юридического института;
e-mail: quelle-osh@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adylbek Ergeshov – Postgraduate Student of Kyrgyz-Russian (Slavic) University, Lecturer of the Jurisprudence Department at the Law College of the Osh State Law Institute;
e-mail: quelle-osh@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Эргешов А.К. Уголовно-правовое предупреждение массовых беспорядков в Кыргызстане // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 4. С. 79-89.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-4-79-89

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. *Ergeshov* Criminal Legal Prevention of Mass Disorders in Kyrgyzstan // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. № 4. P. 79-89.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-4-79-89